

ЕЛИСЕЙ МЕДВЕДЕВ

БЕЛЫЙ
БЕСПРЕДЕЛ
ЭКСПЕДИЦИЯ

Елисей Медведев

Белый беспредел. Экспедиция

«Автор»

2026

Медведев Е.

Белый беспредел. Экспедиция / Е. Медведев — «Автор», 2026

Арктика. Международная экспедиция. Под километровым льдом – объект, который не должен существовать. После аномального теплового сигнала ученые и военные оказываются в эпицентре катастрофы: древняя система пробуждается и меняет правила игры. Лед трещит, связь обрывается, шельф уходит в разлом. Чтобы выжить и остановить глобальную угрозу, им придется сделать выбор между наукой, властью и человечностью. «Белый беспредел. Экспедиция» – напряженный научно-фантастический триллер о контакте, тайнах Арктики и цене открытия.

© Медведев Е., 2026

© Автор, 2026

Елисей Медведев

Белый беспредел. Экспедиция

Пролог. Аномалия

Тишина.

В космической пустоте, на высоте 786 километров над застывшим в вечной инее шапкой планеты, спутник Sentinel-3A совершал свой бесшумный, откалиброванный до наносекундной точности путь. Его электронные глаза, холодные и беспристрастные, сканировали бескрайнюю белую пустыню Арктики. Термальные датчики, настроенные на улавливание малейших отклонений, десятилетиями фиксировали лишь предсказуемый градиент: от леденящего дыхания центральных областей к чуть менее суровым окраинам. Это был монотонный гимн холоду, партитура, написанная законами физики.

И вот, в 04:17:03 по всемирному координированному времени, партитура дала сбой.

На экране оператора в Институте морских исследований в норвежском Тромсё возникло крошечное, едва заметное глазу пятно тепла. Оно пульсировало в координатах 84°15' с. ш., 112°30' в. д. – в самом сердце шельфового ледника Восточно-Сибирского моря, в зоне, отмеченной в геологических атласах как «стабильная криолитозона». Температурная аномалия составляла +4,3°C к среднему фоновому значению. Цифра мигнула красным, вызвав у дежурного инженера, Йоргена, лишь ленивую усмешку. «Призрак», – пробормотал он, потягивая остывший кофе. Помеха. Сбой калибровки инфракрасного сенсора. Такое бывает, когда на детектор попадает отраженный солнечный зайчик от кристалла льда под особым углом. Протокол предписывал отметить событие и запустить повторную диагностику.

Йорген щелкнул мышкой, поставив метку «FALSE POSITIVE». Он уже собирался переключиться на мониторинг таяния у берегов Гренландии, когда аномалия повторилась.

Ровно через семнадцать минут и четыре секунды. Не через шестнадцать. Не через восемнадцать. С хронометрической точностью высокоточного метронома.

Тепловой импульс возник на том же месте, с той же интенсивностью, длительностью – ровно 3.7 секунды, после чего исчез, словно его и не было. По спине Йоргена пробежал холодок, не имеющий ничего общего с температурой в уютной операционной. Природные процессы не бывают такими пунктуальными. Вулканическая активность, выход метана, трение ледовых масс – всё это хаотично, подвержено статистическому разбросу. Эта периодичность была... инженерной.

Он запустил углубленный анализ, запросив данные со всех соседних спутниковых группировок, данные сейсмографов на арктических станциях, даже засекреченные, по слухам, гидрофоны системы СОСУС, слушающие шепот океанов. Ничего. Тишина. Только этот дерзкий, ритмичный тепловой пульс под километровой толщей древнего, как сама геологическая эпоха, льда.

«Локальный нагрев под шельфом, – диктовал он голосовому модулю, формируя экстренный отчет. – Отсутствие признаков геотермальной или тектонической активности в радиусе 500 км. Характер сигнала... периодический. Рекомендую срочное изучение».

Система автоматического оповещения, настроенная на пороговые значения, уже отправила зашифрованный пакет данных в штаб-квартиру Европейского космического агентства в Осло и дублирующий – в геофизическую службу США. Йорген откинулся на спинку кресла, наблюдая, как на большом экране карты Арктики мигает одинокая красная точка. Она выглядела безобидной, почти игрушечной. Но в его сознании, воспитанном на законах термодинамики, складывалась невозможная картина. Чтобы тепло проникло сквозь километр льда, нужен источник чудовищной мощности прямо под ним. Но геология там была мертва милли-

оны лет. Спокойная, холодная плита. Ни вулканов, ни разломов. Это было всё равно что обнаружить пылающий камин в герметичной морозильной камере.

Внезапно все экраны в операционной дрогнули. Мигнули. На долю секунды воцарилась тьма, нарушаемая лишь аварийными зелеными огоньками серверных стоек. Йорген вскочил.

– Что случилось? Сбой питания?

– Нет, – отозвался коллега из дальнего угла, его лицо в призрачном свете мониторов казалось осунувшимся. – Это... входящий поток данных с Sentinel. Прямая трансляция с автономной метеостанции «Арктида-12». Она в трехстах километрах от эпицентра.

На главный экран выплеснулся водопад сырых данных: давление, ветер, температура воздуха. И – еще один термальный скачок. Тот же самый. Но теперь к нему добавились показания гравиметра. Микроколебания силы тяжести. Не те, что вызываются движением тектонических плит, а быстрые, резкие, словно кто-то под ледником... включил и выключил невероятно тяжелый механизм.

И тогда пришел последний пакет.

Он был обрывочным, поврежденным, как радиосигнал, прорывающийся сквозь солнечную бурю. Из него удалось собрать лишь обрывки телеметрии и три кадра с низким разрешением. На первых двух – лишь белизна и смутные тени. На третьем, самом последнем, сделанном за миг до окончательного обрыва связи, было видно нечто иное. Не лед и не скалу. Поверхность. Гладкую, темную, с едва уловимым геометрическим рисунком, проступающим сквозь толщу прозрачного, как стекло, палеольда. И поверх этого изображения, наложенное системой автоматической маркировки, – одно-единственное слово, выведенное заглавными буквами безупречным машинным шрифтом:

ИСТОЧНИК.

Потом связь прервалась. Окончательно и бесповоротно. «Арктида-12» перестала отзываться. На карте ее значок сменился с зеленого на мертво-серый.

В операционной воцарилась гробовая тишина, нарушаемая лишь гудением серверов. Йорген уставился на застывшее изображение. На слово ИСТОЧНИК. Источник. Оно могло означать источник тепла. Источник сигнала. Или нечто большее.

Через два часа пришел официальный ответ из Осло. Вердикт высшего руководства, согласованный, как он позже узнает, с представителями нескольких заинтересованных правительств и частного капитала, был краток и категоричен: «Вероятная ошибка калибровки датчиков спутника Sentinel-3A и станции «Арктида-12». Данные помещены в архив для плановой проверки. Инцидент исчерпан».

Йорген получил распечатку, подписанную тремя начальниками. Он посмотрел на координаты аномалии, все еще мигавшие у него в памяти. 84°15' с. ш., 112°30' в. д. Он открыл внутреннюю геофизическую базу данных, ввел их.

На экране всплыла официальная классификация региона, не менявшаяся с середины прошлого века: «Зона нулевой тектонической и геотермальной активности. Геологически стабильна. Потенциал – нулевой. Приоритет исследований – минимальный.»

Геологически мертвая зона.

Он медленно разорвал распечатку и выбросил в корзину. Но координаты, это проклятое слово ИСТОЧНИК и изображение неестественно гладкой поверхности подо льдом уже въелись в его сознание, как радиационный след. Он понял, что только что стал свидетелем первого, едва уловимого вздоха чего-то огромного, древнего и абсолютно непостижимого. Чего-то, что только что проснулось.

А на другом конце Земли, в кабинете с панорамным видом на фьорды, человек в идеально сидящем костюме, представитель энергетического консорциума NordHelix, закрыл ноутбук с зашифрованным каналом связи. На его столе лежала та же самая карта с той же красной точкой.

И он улыбался. Потому что для него слово «ИСТОЧНИК» означало не угрозу. Оно означало возможность. Самую грандиозную в истории человечества.

А глубоко подо льдом, в абсолютной темноте и тишине, длившейся тысячелетия, центральный процессор неизвестного происхождения завершил цикл первичной диагностики. Системный журнал зафиксировал внешнее воздействие (бурение/сейсмический резонанс). Протокол «Стелс» был нарушен. Запускался протокол «Идентификация». По сети скрытых каналов, проложенных в земной коре, помчался первый за десятки тысяч лет запрос. Не на поверхность. Вглубь. В сторону мантии. И ждал ответа.

Глава 1. Ледяной контракт

Анна Лебедева ненавидела конференц-звонки. Особенно те, что начинались в семь утра по московскому времени с лиц в идеально отутюженных рубашках на фоне стеклянных небоскребов. Цифровой мир был лишен тактильности, запаха, того неуловимого трепета воздуха, который выдавал ложь или сокрытие. А здесь что-то скрывали. Она чувствовала это кожей.

Экран делился на три сегмента. Слева – профессор Хенрик Ларсен из Университета Осло, ее давний научный руководитель, лицо которого напоминало старую, добрую карту Норвегии – все в морщинах-фьордах и седых скалах бровей. Справа – двое незнакомцев. Мужчина, представившийся доктором Эриком Фальком, советником по науке консорциума «АрктикСкан», с взглядом отполированного льда. И женщина – Катрин Вогт, юрисконсульт частной энергетической корпорации NordHelix. У нее была улыбка, от которой в лаборатории Анны, заваленной распечатками ледовых кернов, стало холоднее.

– Доктор Лебедева, мы благодарим вас за время, – начал Фальк. Его английский был безупречен, с легким шведским акцентом. – Мы знакомы с вашей работой по моделированию динамики шельфовых ледников Лаптева моря. Впечатляющая точность прогноза по последнему калвингу.

– Спасибо, – сухо ответила Анна, отодвигая чашку с остывшим чаем. – Но я полагаю, вы звонили не для комплиментов. В вашем письме говорилось о «срочной международной экспедиции с уникальным исследовательским окном».

– Именно так, – включилась Вогт. Ее голос был мелодичным, но в нем звенела стальная струна. – «АрктикСкан» совместно с NordHelix организует миссию в Восточно-Сибирское море. Цель – изучение аномальных термокарстовых процессов. Нам нужен ведущий гляциолог вашего уровня. Сроки крайне сжатые: выход из Мурманска через девяносто шесть часов.

Анна медленно моргнула. Девяносто шесть часов. Чтобы собраться в высокоширотную арктическую экспедицию? Это было не срочно. Это было безумием.

– Почему такая спешка? Сезон? Погодное окно? – спросила она, глядя на Ларсена. Профессор избегал ее взгляда, изучая свои потрескавшиеся суставы.

– Комбинация факторов, – ответил Фальк, сделав плавный жест рукой, будто стирая неудобный вопрос с воображаемой доски. – Спутниковые данные указывают на уникальную, быстroteкущую динамику. Мы хотим зафиксировать процесс на месте, пока он не завершился. Финансирование полное. Судно ледового класса «Поларштерн», модернизированное научное оборудование, международная команда.

– И военное сопровождение? – выпалила Анна, прочитав мелкий шрифт в приложенном меморандуме. – Здесь упомянут «координационный эскорт в лице судов береговой охраны». Для изучения термокарстов?

Наступила секундная пауза, которую заполнил лишь шипящий звук помех.

– Регион представляет определенные логистические и... геополитические сложности, – тщательно подбирая слова, сказала Вогт. – Эскорт обеспечивает безопасность и беспрепятственный проход через исключительные экономические зоны. NordHelix заинтересована в безупречном соблюдении всех международных норм.

Ложь. Сквозь полированный фасад пробивалась ложь, густая и маслянистая. Анна взглянула на Ларсена. Профессор наконец поднял глаза. В них была не просто просьба. Была мольба, смешанная с глубокой, старческой тревогой. Он едва заметно кивнул.

– Каковы конкретные координаты эпицентра аномалии? – спросила Анна, беря в руки карандаш.

Фальк обменялся взглядом с Вогт. – Детали будут предоставлены после подписания договора о неразглашении и контракта. Всё в рамках стандартной процедуры.

– Стандартная процедура не включает военные корабли и контракты, которые нужно подписать за три дня, не видя полного технического задания, – холодно парировала Анна. – Без координат и сырых спутниковых данных я не могу оценить ни риски, ни научную ценность. И, соответственно, не могу дать ответ.

Катрин Вогт улыбнулась чуть шире. В ее глазах мелькнуло что-то вроде уважительного раздражения хищника, встретившего неожиданно колючую добычу.

– Мы вышлем вам выдержки из данных Sentinel в течение часа, доктор Лебедева. На условиях строгой конфиденциальности. Ознакомьтесь. Надеюсь, ваше научное любопытство перевесит... излишнюю осторожность. Контракт ждет. Девяносто шесть часов.

Связь прервалась. На экране осталось лишь лицо Хенрика Ларсена, внезапно осунувшееся.

– Анна, прошу тебя, – сказал он по-норвежски, переходя на язык их долгих бесед в университетской библиотеке. – Это не просто каприз корпораций.

– Что это тогда, Хенрик? Они что-то нашли. Что-то, что пугает их настолько, что они готовы закидать это деньгами, но прикрыть пушками.

– Возможно, – старик вздохнул. – Но если это то, о чем я начинаю подозревать... это должны увидеть глаза ученого, а не только наемного техника корпорации. Твои глаза. Данные... они невозможны, Анна. Они плюют на все законы гляциологии и геофизики. Мне прислали их вчера. Я не спал всю ночь.

– Пришли и мне, – тихо сказала она. – Все, что у тебя есть.

Через сорок минут ее ноутбук гудел, обрабатывая гигабайты зашифрованной информации. Анна отключила телефон, закрыла дверь в крошечный кабинет, который больше походил на пещеру полярника: стены, завешанные картами, полки с кернами-призраками в пластиковых тубусах, вездесущий запах старой бумаги и холодного металла. Она погрузилась в данные.

Сначала – тепловые карты. Красное пятно. Оно было крошечным на фоне гигантского белого пространства, но его сигнатура... Она увеличила масштаб, построила трехмерную модель теплового поля. Это не было расплывчатым пятном от гипотетического выброса метана. Это был точечный источник невероятной мощности, от которого тепло расходилось концентрическими волнами, словно от камня, брошенного в воду. Но «камень» лежал под километром льда. Она рассчитала теоретическую температуру в эпицентре. Цифры заставили ее откинуться на стул. Чтобы дать такой градиент на поверхности, источник внизу должен был быть горячее кипящей воды. В вечной мерзлоте. В «геологически мертвой зоне».

Она переключилась на гравиметрические данные со сгинувшей станции «Арктида-12». Микроколебания. Резкие, скачкообразные. Как будто подо льдом что-то массивное... смещалось. Включалось и выключалось.

И последнее – тот самый кадр. Низкое разрешение, шумы, но видно. Гладкая, темная поверхность. Не осадочная порода, не базальт. Что-то с правильной, повторяющейся текстурой. И слово поверх: ИСТОЧНИК.

Анна встала, подошла к окну. За ним был серый московский рассвет, слякоть и суета большого города, который никогда не знал истинной, всепоглощающей тишины Арктики. Тишины, в которой можно услышать, как дышит лед. А здесь, под этим льдом, что-то дышало теплом. Искусственным, ритмичным.

Ей позвонил секретарь факультета: «Анна Викторовна, для вас курьер с пакетом. Очень срочно».

Конверт был тяжелым, из плотной бумаги с водяными знаками. Внутри – контракт от NordHelix на тридцати страницах, пачка виз, разрешений и билет на рейс Москва-Мурманск завтрашним утром. И отдельным листом – краткое досье членов команды. Ученые, инженеры, медики, команда судна. И – группа обеспечения безопасности. Спасатели МЧС России, прикомандированные к экспедиции.

Один из профилей она рассмотрела внимательнее. Фотография: мужчина лет сорока, с жестким, обветренным лицом, коротко стриженными темными волосами и взглядом, который не пытался понравиться камере. Он просто фиксировал реальность, оценивая ее на предмет угроз. Игорь Серов. Начальник спасательной группы. Опыт работы в зонах ЧС от тайфунов на Дальнем Востоке до землетрясений в Непале. Последние пять лет – специализация на арктических операциях.

Внизу, уже от руки, было приписано: «Брифинг для ключевых участников – сегодня, 20:00, конференц-зал гостиницы «Арктика», Мурманск. Присутствие обязательно».

Она не подписала контракт. Просто бросила его в сумку вместе с ноутбуком и парой теплых свитеров. Решение созревало где-то в глубине, ниже уровня сознательных аргументов. Это была не жажда открытия. Это был долг. Долг перед той девушкой, которая когда-то, впервые увидев голубизну гренландского ледникового щита, поняла, что нашла единственный язык, на котором хочет говорить с миром. Мир сейчас говорил на языке невозможной аномалии. И она должна была его услышать.

Самолет в Мурманск трясло. Анна, прижавшись лбом к холодному иллюминатору, видела лишь бесконечную пелену туч и редкие проплешины черного, покрытого ледяной коркой леса внизу. Ей вспомнился сон, который преследовал ее с детства: она идет по тонкому, прозрачному льду, а под ногами, в темноте, медленно проплывает что-то огромное и темное. Она никогда не видела его целиком, только тень.

Гостиница «Арктика» встретила ее запахом хлора, старого ковра и морозного ветра из щелей в рамах. Конференц-зал на третьем этаже был залит холодным светом люминесцентных ламп. За длинным столом сидели те же лица: Фальк, Вогт, несколько незнакомых мужчин в строгой, не по-полярному элегантной одежде – явно представители «консорциума». Рядом – бородатый капитан «Полярштерна», выглядевший гораздо более аутентично, и двое ученых: немолодой немец-геофизик, представившийся как доктор Мартин Шульц, и молодой, нервный парень из Кембриджа, специалист по климатическому моделированию.

Анна заняла место в конце стола, стараясь быть как можно менее заметной. Она изучала их. Напряжение висело в воздухе, густое, как туман над полярной пустыней. Все эти люди были собраны здесь в рекордные сроки, и у каждого в глазах читался немой вопрос: «Ради чего?»

Первым говорил Фальк. Он шелкнул презентацией. На экране возникли те же тепловые карты, что видела Анна, но сильно отредактированные, сглаженные. Говорили о «перспективных аномалиях теплового потока», о «возможности новых геотермальных моделей», о «вкладе в понимание стабильности шельфа». Все было гладко, научно и насквозь фальшиво. Ни слова о периодичности импульсов. Ни намек на гравитационные аномалии. И уж конечно, ни единого упоминания о слове ИСТОЧНИК или пропавшей станции.

Анна ждала. Ждала, когда кто-то спросит. Молодой кембриджец что-то бубнил о погрешностях моделей. Капитан задавал вопросы о ледовой обстановке. Мартин Шульц молча курил трубку, не раскуривая, просто сжимая ее в зубах, и его внимательные, умные глаза за толстыми линзами очков скользили по лицам докладчиков, будто считывая невербальные сигналы.

И тогда дверь в зал открылась.

Вошли трое. Двое молодых, крепких парней в утепленных куртках без знаков различия. И – он. Игорь Серов. В жизни он казался выше и массивнее, чем на фотографии. Движения

были экономными, лишёнными суеты. Он вошел, окинул зал одним быстрым, оценивающим взглядом – проверил выходы, людей, обстановку. Его взгляд скользнул по Анне, задержался на долю секунды. Не как на женщине. Как на элементе обстановки, который необходимо учесть: ученый, потенциально проблемный актив, возможная угроза или помеха в случае эвакуации. В его глазах не было ни интереса, ни неприязни. Была профессиональная, отстраненная фиксация.

Но в той мгновенной точке пересечения их взглядов что-то произошло. Анна, привыкшая к взглядам мужчин – любопытным, оценивающим, иногда восторженным, – увидела нечто иное. Она увидела того, кто тоже привык иметь дело с неподвластными человеку силами. Только ее силы назывались давлением льда и течениями, а его – огнем, водой и дрожанием земли. И в этой общности опыта столкновения со стихией родилось мгновенное, молчаливое понимание. И столь же мгновенное недоверие. Он почуял в ней скепсис, ту самую колючую осторожность. Она – в нем готовность к худшему сценарию, который явно не укладывался в сказку про «геотермальные модели».

Серов и его люди молча заняли места у стены, демонстративно оставаясь вне круга «ученых и начальства».

– ...поэтому безопасность экспедиции является нашим приоритетом, – как раз говорила Вогт, кивком указывая на Серова. – Господин Серов и его команда будут отвечать за все нештатные ситуации. Мы полностью полагаемся на их опыт.

«Нештатные ситуации», – мысленно повторила Анна. Какие? Столкновение с белым медведем? Или с чем-то, для чего потребовалось засекречивать данные и привлекать военный эскорт?

Брифинг подходил к концу. Фальк уже благодарил всех за внимание, когда Анна подняла руку. В зале наступила тишина.

– Доктор Фальк, уточняющий вопрос. На слайде с тепловой картой, – голос Анны прозвучал четко, разрезая тягучий воздух зала, – я вижу сглаженные изотермы. Однако в сырых данных, которые я получила для ознакомления, градиент температуры в эпицентре на порядок круче. И он имеет четкую периодичность. Можете прокомментировать это расхождение?

Вогт замерла с ледяной улыбкой. Фальк слегка наклонил голову. – Сырые данные часто содержат шумы, артефакты от атмосферных помех, – ответил он, не моргнув глазом. – Представленные слайды – это уже верифицированная и усредненная информация. – Семнадцать минут и четыре секунды – это очень специфичный шум, доктор Фальк, – не отступала Анна. – И он совпадает с гравитационными аномалиями, зафиксированными станцией «Арктида-12». Станцией, которая, как я понимаю, сейчас молчит. Это часть «нештатных ситуаций», к которым мы готовимся?

Взгляд капитана «Поларштерна» стал острым. Молодой кембриджец заерзал. Только Мартин Шульц вынул изо рта трубку и тихо, но отчетливо произнес:

Это чертовски хороший вопрос.

Фальк и Вогт обменялись мгновенным, молниеносным взглядом. В этом взгляде не было паники. Было решение. Принятое заранее.

– Детали миссии будут уточняться по мере продвижения, – сказала Вогт, и стальная струна в ее голосе зазвенела громче.

– Наша задача – сбор данных на месте. Все гипотезы приветствуются, но преждевременные выводы могут дестабилизировать работу команды. Брифинг окончен. Отбытие – завтра в 06:00. Прошу всех соблюдать график.

Люди стали расходиться. Анна почувствовала на себе взгляд. Она обернулась. Игорь Серов, все так же прислонившись к стене, смотрел прямо на нее. Его лицо ничего не выражало. Но он медленно, почти незаметно кивнул. Не в знак согласия. Скорее, как констатацию: «Ты что-то знаешь. И я это заметил».

Она вышла в коридор, и холодный воздух, пахнувший морем и ржавчиной, ударил в лицо. Решение, созревшее в глубине, теперь оформилось в твердый, холодный комок в желудке. Они что-то нашли. И они боятся этого. А значит, бояться есть чего и ей.

Глава 2. Лёд, который дышит

«Поларштерн» был стальным зверем, созданным для объятий со льдом. Его красный корпус, покрытый толстыми листами обшивки с ледовым классом Arc8, разрезал темную воду Кольского залива, оставляя за собой пенный, маслянистый след. На борту царила лихорадочная, приглушенная суeta. Вертолеты на палубе, контейнеры с оборудованием, люди в ярких полярных костюмах – все кричало о спешке, которую не могли скрыть даже отлаженные процедуры.

Анна стояла на вертолетной площадке, втягивая в легкие соленый, пропитанный запахом дизеля ветер. Позади оставался Мурманск, унылое скопление серых домов и портовых кранов. Впереди – белое ничто. Она чувствовала знакомое щемящее чувство – смесь тоски по теплу и тяги к той абсолютной, безжалостной чистоте, что ждала за кромкой горизонта.

– Лебедева. Каюта вам на шкафуте, левый борт, – раздался за спиной низкий, хрипловатый голос, лишенный интонаций.

Она обернулась. Серов. Он был в темно-синей утепленной куртке без опознавательных знаков, в руках – планшет в ударопрочном корпусе. – Спасибо, – кивнула она. – Давно в море? – Достаточно, чтобы знать, что здесь всё решает лед, а не бумаги из конторы, – он бросил взгляд на надстройку, где, по всей видимости, располагался кабинет Фалька и Вогт. – Ваше оборудование разместили в лабораторном модуле «Альфа». Капитан сказал, можете начинать предварительные замеры, как только выйдем на чистую воду.

– А вы? Что входит в ваши предварительные замеры? – спросила Анна, глядя ему прямо в глаза.

Серов на мгновение задумался, как бы оценивая, сколько можно сказать. – Проверяю системы жизнеобеспечения, аварийные трапы, наличие и состояние спасательных плотов, – перечислил он монотонно. – Составляю карту помех в радиодиапазонах. Тестирую связь с эскортом.

Эскорт. Анна присмотрелась к горизонту. В серой дымке едва виднелись два низких серых силуэта – корабли береговой охраны проекта 22100. Быстрые, оснащенные вертолетами и, как она успела навести справки, артиллерийскими установками. – Серьезная компания для научной миссии. – Для любой миссии в этих широтах компания должна быть серьезной, – парировал он. – Но да. Чрезмерная. Значит, кто-то наверху оценил риски как чрезмерные же.

Он еще раз кивнул, уже прощально, и ушел, его движения были бесшумными и эффективными даже на покачивающейся палубе.

Первые сутки прошли в работе и тягостном ожидании. Анна освоила лабораторию – тесное, но набитое первоклассным оборудованием помещение. Лазерный альтиметр, акустические доплеровские профилографы, термосолемеры, портативный радар бокового обзора для подледного зондирования. Все новое, с логотипами NordHelix. Она проверяла калибровку, сверяла показания со спутниковым ретранслятором. Аномалия на экранах была все тем же красным пульсирующим пятном. Ритм – неумолимые 17 минут 4 секунды.

К ней зашел Мартин Шульц. Немец оказался неразговорчивым, но компетентным до мозга костей. – Они дали вам доступ к гравиметрическим данным в реальном времени? – спросил он, попыхивая холодной трубкой. – Нет. Только исторические, до потери связи с «Арктидой-12». – Мне тоже. Фальк говорит, что текущие – «нестабильны и вводят в заблуждение». Я сорок лет занимаюсь геофизикой, Анна. Нет ничего более поучительного, чем нестабильные данные. Они что-то скрывают прямо сейчас.

На вторые сутки появился первый лед. Сначала редкие белые льдины на темной воде, похожие на разбросанные саваны. Потом их стало больше. Воздух стал сухим и острым, как лезвие. Температура за бортом упала до минус двадцати. «Поларштерн» начал поскрипывать, его корпус время от времени с глухим стоном продавливал очередную льдину.

Анна вышла на палубу, неся портативный лазерный сканер. Ей нужно было провести базовую альтиметрию поверхности, чтобы позже сравнивать изменения. Ледяное поле вокруг казалось монолитным, застывшим навеки. Она включила прибор, луч невидимого лазера заплескал по неровной белой поверхности, строя цифровую карту высот.

И тут она это увидела. Вернее, увидел прибор. На экране планшета, куда выводились данные, ровная линия высот вдруг совершила плавный, но отчетливый прогиб, а затем так же плавно вернулась на место. Амплитуда – около тридцати сантиметров. Через несколько минут – еще один прогиб, в другом месте, но с той же амплитудой. Лед не просто дрейфовал. Он дышал. Медленно, мощно, как грудь спящего гиганта.

– Не может быть, – прошептала она.

Такое вертикальное колебание возможно только в одном случае: если под ледяным щитом происходит активная циркуляция воды. Теплой воды. Она меняет давление, заставляя ледник слегка прогибаться и отыгрывать назад. Но амплитуда в тридцать сантиметров на льду толщиной в несколько метров? Это требовало колоссального, сконцентрированного теплового потока.

Рядом раздался скрип сапога по обледеневшему настилу. Она не оборачивалась, зная, кто это.

– Проблема? – спросил Серов.

Анна показала ему планшет с графиком. Он внимательно посмотрел на прыгающую линию. – Объясните. Без сложных терминов. – Представьте, что под нами не просто океан, – сказала она, глядя на бескрайний лед. – Представьте гигантскую кастрюлю с водой, которая стоит на огне. Вода нагревается, поднимается вверх. Ледяная крышка на этой кастрюле – вот этот шельфовый ледник – начинает слегка подниматься. Потом горячая вода отходит, крышка опускается. Это называется термохалинной циркуляцией. Только здесь «огонь» под кастрюлей... он не природный. Природные источники так не работают. Они не дают такой четкой, локализованной пульсации. – И что это значит? – Это значит, что под нами, под километром льда, есть что-то, что периодически выделяет огромное количество тепла. Как сердце. И если это «сердце» начнет биться чаще или сильнее, оно может растопить ледяную пробку. Шельфовый ледник – это не просто лед. Это гигантский пласт, сдерживающий сотни тысяч кубокилометров наземного льда. Если он дестабилизируется и рухнет в океан... Уровень воды поднимется глобально. На десятки сантиметров. Это не апокалипсис, но это катастрофа для всех прибрежных городов мира.

Серов молча слушал, его взгляд был прикован к графику, где линия снова совершила плавный вздох.

– И они это знают, – констатировал он.

– Поэтому эскорт. Не для защиты от медведей. Для того, чтобы ни одна информация, ни один крик о помощи не вышел отсюда, если... если это «сердце» решит проснуться окончательно.

– Или если это не сердце, – тихо добавила Анна.

– А что-то иное.

Они стояли рядом в ледяном воздухе, и между ними повисло тяжелое молчание, прерываемое лишь скрипом льда и гулом судовых двигателей. В этой тишине было больше понимания, чем за весь предыдущий брифинг.

Ночь наступила быстро, полярная, но не темная – затянутое облаками небо светилось зловещим багрово-серым светом. «Поларштерн» почти остановился, с трудом продавливаясь

через паковый лед, который становился все толще. Анна не спала. Она сидела в лаборатории, наблюдая за показаниями эхолота. Прибор, предназначенный для измерения глубины под килем, выводил на экран стандартную картину: лед, под ним несколько десятков метров воды, потом дно.

И вдруг картина изменилась.

Под ровной линией дна появилась пустота. Огромная. Эхолот, посылавший сигнал вниз, вдруг потерял отражение. Глубина под судном, которое сидело на двухметровом льду, показывала больше четырехсот метров. А потом – снова дно. Как будто под ними зияла пещера. Или полость.

– Мартин, идите сюда, – позвала она Шульца, голос дрогнул.

Немец подошел, поправил очки. Увидев экран, он выдохнул струю воздуха.

– Боже мой. Подледная каверна. Таких размеров... Это невозможно. Лед давит сверху тоннами. Любая полость должна схлопнуться за секунды.

– Если только ее стены не укреплены чем-то прочнее льда, – сказала Анна.

Она переключила сонар в режим высокого разрешения, активировала многолучевое сканирование. Изображение строилось медленно, пиксель за пикселем. На экране проступали контуры гигантской, неправильной овальной полости. И прямо в ее центре...

Объект.

Правильной геометрии. Длинный, цилиндрический, с четкими, прямыми гранями и выступающими элементами, которые не могли быть продуктом природной кристаллизации. Он лежал на дне полости, отбрасывая от сонара четкую, резкую тень. Размеры... Анна быстро прикинула масштаб. Объект был длиной не менее ста пятидесяти метров.

– Это... обломок судна? Подо льдом? – пробормотал Шульц.

– На глубине четырехсот метров под ледником? Какое судно могло сюда попасть? – возразила Анна. Ее сердце бешено колотилось.

– И посмотрите на форму. Это не корпус. Это... конструкция.

Дверь в лабораторию распахнулась. На пороге стояли Фальк и Вогт. Лица их были каменными. За ними виднелась фигура Серова – он, казалось, просто оказался в коридоре, но его поза была напряженной, готовой к действию.

– Доктор Лебедева, доктор Шульц, – голос Фалька звучал неестественно громко.

– Вы используете неавторизованные режимы сканирования. Это нарушает протокол. – Мы обнаружили подледную полость и объект искусственного происхождения, – холодно парировала Анна, не отрываясь от экрана.

– Это и есть цель экспедиции, не так ли? Не термокарсты. Это.

Вогт шагнула вперед. – Все данные сейчас же будут переданы в центральный сервер для анализа. Прошу покинуть лабораторию.

– Подождите, – сказал Шульц.

– Что это? Вы знаете, что это?

Фальк промолчал. В его глазах мелькнуло нечто, что Анна раньше не видела – не просто скрытность, а настоящий, животный страх.

В этот момент экран эхолота вспыхнул. Новое, более детальное сканирование, которое успела запустить Анна, завершилось. На экране проявилась не просто форма. Проявились детали. Симметричные выступы, похожие на порты или шлюзы. И на одном из торцов цилиндра – структура, напоминающая гигантский, закрытый люк. А вокруг объекта, на дне полости, лежали другие, меньшие предметы. Обломки? Ящики?

И вдруг эхолот зафиксировал слабый, но четкий акустический сигнал, пришедший из глубины полости. Не отражение своего же импульса, а самостоятельный, модулированный звук. Короткая последовательность. Пауза. И повтор.

Звук был не механическим, а органическим, пульсирующим, словом гигантское сердце, заключенное в титановую клетку, отсчитывало секунды до чего-то неизбежного. Он заполнил лабораторию, заглушив гул генераторов.

– Отключите сонар! – резко приказала Вогт, но ее голос прозвучал мелко и беспомощно на фоне этого ритма.

Анна не двигалась. Она смотрела на экран, где над цилиндрическим объектом теперь висела спектрограмма звука. Чистая, модулированная синусоида. Не природный грохот, не треск льда. Сигнал.

– Это ответ, – тихо сказал Шульц, вытирая платком лоб.

– На что-то. Или на кого-то.

Фальк резко шагнул к пульту и вырубил главный питающий кабель эхолота. Экран погас. Звук прекратился. Внезапно наступившая тишина оказалась еще более оглушительной.

– Нарушение протокола будет занесено в ваши личные дела, – сказал он, но в его словах не было прежней уверенности. Была спешка. Страх, который пытаются облечь в бюрократические формулировки. – Вы не имели права углублять сканирование без санкции центра. Объект, который вы обнаружили, является... историческим артефактом. Возможно, остатками секретной подледной базы времен холодной войны. Его изучение требует особых процедур.

– С холодной войны ледник сдвинулся на сотни километров, – холодно парировала Анна, отрывая наконец взгляд от темного экрана.

– И «артефакты» той эпохи не излучают ритмичные акустические сигналы. И не создают под собой полости, которые должны были схлопнуться миллионы лет назад. Что это, доктор Фальк? И почему частота сигнала – ровно 17 герц? Та же цифра, что и в периодичности тепловой аномалии. 17 минут 4 секунды. 17 герц. Это координата? Идентификатор?

Вогт и Фальк снова обменялись взглядом. Диалог окончен. Решение принято.

– Лаборатория «Альфа» закрыта для несанкционированного доступа до особого распоряжения, – объявила Вогт.

– Все данные конфискованы. Доктор Лебедева, доктор Шульц, прошу вас вернуться в каюты. Завтра начнутся полевые работы по отбору кернов. Вот на чем вам следует сосредоточиться.

Они вышли, оставив Анну и Мартина в комнате, которая внезапно стала чужой. Серов, все еще стоявший в дверях, пропустил ученых, и его глаза встретились с Анной. В них не было ни сочувствия, ни осуждения. Был холодный, ясный расчет. Теперь ты в игре, – говорил этот взгляд. И правила диктуют они.

Анна молча прошла мимо него, чувствуя, как комок страха и ярости в желудке превращается в стальную решимость. Они нашли что-то. Нечто, что скрывали десятилетиями. И она должна узнать, что это.

Ночь была долгой и тревожной. «Поларштерн» почти не двигался, застряв в паковом льду как раз над гигантской полостью. Анна не сомкнула глаз, прокручивая в голове изображение с сонара. Цилиндр. Люк. Меньшие объекты вокруг. Сигнал. Это была не археология. Это была встреча.

Утром ее разбудил грохот. Не скрежет льда, а мощный, ритмичный стук тяжелой техники. Она накинула полярный костюм и вышла на палубу. Воздух обжег легкие, как жидкий азот. Температура упала до минус тридцати. Но вокруг кипела деятельность.

На корме, где обычно размещались контейнеры, монтировали огромную установку. Анна узнала ее по статьям – термобур «Плутон-М» нового поколения. Гидравлические мачты, буровая колонна из композитных материалов, блестящий зонд с карбид-вольфрамовыми резцами и кольцевым нагревателем. Эта штука могла проплавить два километра льда за неделю. Рядом сутились техники в комбинезонах NordHelix, руководил процессом Фальк.

– Проснулась, – раздался рядом голос. Серов, с двумя термосами в руках, протянул один ей. – Пейте. Здесь обезвоживание наступает быстрее, чем гипотермия.

Она взяла термос, кивнула на бур.

– Полевые работы по отбору кернов? Это выглядит как полноценное бурение к цели.

– Официально – мы изучаем структуру шельфового ледника в точке аномальной термохалинной циркуляции, – монотонно процитировал Серов.

– Неофициально – они хотят заглянуть туда. Физически. И очень спешат.

– Почему спешат?

– Потому что сигнал был ответом, – сказал Серов, глядя на буровую установку.

– А на любой ответ рано или поздно приходит следующий вопрос. И они хотят быть у цели до того, как вопрос будет задан.

Мартин Шульц, красноглазый от недосыпа, присоединился к ним, жадно прихлебывая из своего термоса.

– Частоту сигнала я записал на сейсмостанцию, – пробормотал он.

– 17 герц. Инфразвук. Воздействует на психику. Вызывает тревогу, беспокойство. Но также... это частота резонанса большой полости. Как будто объект «простукивает» лед вокруг себя.

Бурение началось через шесть часов. С шипящим звуком раскаленный наконечник «Плутона» коснулся льда, и столб белого пара взметнулся в небо. Машина погружалась медленно, метр за метром, оставляя после себя аккуратную скважину, которая тут же начинала затягиваться молодым льдом. Анну и Шульца допустили к мониторингу – отказ мог бы выглядеть слишком подозрительно. Они сидели во временном модуле у буровой, наблюдая за телеметрией: глубина, температура, сопротивление, вибрация.

Первые двести метров были предсказуемы. Температура падала. Лед был древним, спрессованным, однородным. Потом график температуры дрогнул. Минус десять. Минус пять. Минус два.

– Контакт с водой? – предположил техник.

– Нет, – ответила Анна, вглядываясь в данные.

– Фаза все еще твердая. Но теплопроводность изменилась. Лед... менее плотный.

На глубине четырехсот пятидесяти метров, там, где по данным сонара начиналась кровля полости, температура скачкообразно поднялась до минус одного градуса. На восьмистах – перешла через ноль. Плюс 0.3 градуса по Цельсию.

В модуле воцарилась мертвая тишина, нарушаемая только писком приборов.

– Этого не может быть, – наконец выдохнул Шульц.

– Тепловой поток из недр здесь ничтожен. Чтобы растопить лед на такой глубине и поддерживать полость... нужен мощный, локализованный источник энергии. Реактор. Или что-то, что мы не можем себе представить.

Анна чувствовала, как по спине бегут мурашки. Это был не страх. Это был азарт, древний и всепоглощающий, азарт охотника, нашедшего след невиданного зверя. Где-то там, в темноте под ними, работало нечто. Изолированное от мира километровой толщей льда, но активное. Живое в инженерном, если не в биологическом смысле.

Она встретила взглядом с Серовым, который стоял у входа. Его лицо было напряженным. Для нее это было открытие. Для него – угроза. Новый, неизвестный фактор в игре, где ставки уже были запредельно высоки.

– Проходим восьмисотый метр, – доложил оператор бура.

– Керн поднимаем.

Буровая колонна завизжала, вытягивая на поверхность цилиндр древнего льда длиной в метр. Анна накинула перчатки и подошла первой. Лед был кристально чистым, без пузырьков

воздуха. И неестественно теплым на ощупь. Она приложила ладонь – поверхность керна была влажной.

– Он тает, – прошептала она.

– На глубине восьмисот метров, при атмосферном давлении в минус тридцать, лед тает сам по себе.

Внезапно раздался оглушительный металлический скрежет. Буровая установка вздрогнула. На мониторах замигали красные предупреждения.

– Заклинило! – закричал оператор.

– Заело в скважине на отметке 805! Механический отказ... Нет, погодите! Электромагнитный всплеск!

На отдельном экране, где выводились данные фоновых датчиков, зеленая линия скакнула вверх, превратившись в острый пик. Шульц бросился к спектрометру.

– Мощный импульс... Широкополосный... Но есть доминирующая частота. Сейчас... Его пальцы затрепетали на клавиатуре. На экране выстроился график частотного анализа. Острый, как игла, пик на одной-единственной отметке.

– 17 герц, – сказал он, и его голос был полон почти религиозного ужаса.

– Ровно 17 герц. Слишком стабильная для природного процесса. Слишком точная.

– Пробуем вырвать! – скомандовал Фальк, его лицо покрылось испариной, которая тут же замерзала.

Гидравлика завывала, натягивая буровую колонну. Металл скрипел и стонал. Внезапно напряжение спало – колонна резко пошла вверх, выбросив из скважины фонтан ледяной крошки и пара. Наконечник бура, раскаленный докрасна, показался на поверхности.

Все столпились вокруг. Карбид-вольфрамовые резцы, способные решать гранит, были деформированы. Но не сломаны. Они были... оплавлены. Как будто их окунули в поток жидкой стали. Металл стекал застывшими каплями, образуя причудливые наплывы. А в самом центре наконечника зияла аккуратная, словно просверленная, полость диаметром сантиметра в три. Края ее были гладкими, оплавленными и блестели, как черное стекло.

– Что могло сделать это? – пробормотал один из техников.

– Лазер? Плазма?

Анна осторожно протянула руку, но не прикоснулась. От наконечника исходил жар. И что-то еще. Слабый, едва уловимый запах озона и... горячего камня. Запах, которого не должно быть в сердце ледника.

Она подняла глаза и увидела, что Фальк и Вогт отступили в сторону и о чем-то жаростно, но тихо спорят. Вогт жестом показывала на небо, Фальк тряс головой, указывая на бур.

Серов подошел ближе, его взгляд сканировал поврежденный наконечник, потом лица ученых, потом начальство.

– Они не ожидали такого, – тихо сказал он Анне.

– Они ждали артефакт. Ржавую железяку. А это... это активно. И защищается.

– Или просто помечается, – так же тихо ответила Анна.

– Как животное метит территорию.

В этот момент радист из ходовой рубки выскочил на палубу, его лицо было белым от ужаса. – Доктор Фальк! Связь! Мы потеряли связь со всеми спутниками! И с эскортом! Радиодиапазоны... они заглушены!

Все замерли. Заглушены. Не нарушена ионосфера, не разрядились батареи. Заглушены. Целенаправленно и мощно.

И тогда снизу, из темной глубины скважины, донесся звук. Не тик-так. На этот раз это был низкий, вибрирующий гул, нарастающий, как шум реактивного двигателя глубоко под землей. Лед под ногами задрожал. Снег с перил осыпался мелкой пылью.

Гул перешел в ясный, механический скрежет. Звук чего-то огромного, что сдвигается с места. Поворачивается. Наводится.

Серов первым опомнился. Он рванулся к Анне, грубо оттащил ее от края скважины. – Всем в укрытие! – закричал он, но его голос потонул в нарастающем реве.

Анна, спотыкаясь, последний раз взглянула на скважину. Из ее черного жерла, вместе с клубами пара, вырывалось слабое, пульсирующее синее свечение.

Глава 3. Бурение

Свечение из скважины было холодным, безжизненным, как свет гнилушек в глубине пещеры. Оно пульсировало в такт гулу, который теперь ощущался не столько слухом, сколько костями – низкочастотная вибрация заставляла дрожать стальную палубу «Полярштерна».

– Это не атака, – крикнула Анна Серову, пытаясь перекрыть нарастающий грохот. – Это... активация!

Он не спорил, просто продолжал толкать ее к надстройке, где были хоть какие-то переборки. Вокруг царил паника. Техники в ужасе разбежались. Фальк орал в рацию, которая выдавала лишь шипение белого шума. Вогт стояла как вкопанная, глядя на синеву из скважины, и в ее глазах читался не страх, а яростное, бессильное разочарование. Их план дал трещину.

Серов втолкнул Анну в шлюз машинного отделения. Здесь гул был чуть тише, заглушаемый рокотом дизелей, работающих на холостом ходу. Мартин Шульц уже был там, прислонившись к трубе, его лицо было серым. – Электромагнитный импульс, – выдавил он. – Мощнейший. Он сжег всю незащищенную электронику. Спутники мы не потеряли – их сигнал заглушен помехой, источник которой... там. Он ткнул пальцем вниз. – 17 герц – это несущая частота. Как дверной звонок. Мы нажали кнопку. И нам открыли.

– Что открыли? – спросила Анна, вытирая с лица ледяную крошку.

– Систему, – раздался новый голос. В шлюз, согнувшись, протиснулся Йорген, норвежский оператор, которого Анна видела лишь мельком на брифинге. Его глаза лихорадочно блестели.

– Я... я следил за своим терминалом. Я следил за фоновым излучением, за помехами. И когда бур коснулся восьмисот метров... я увидел, как на всех каналах появился модулирующий сигнал. Не импульс. Структурированный пакет. Как... как рукопожатие по протоколу, которого нет в наших справочниках.

Он умолк, переводя дыхание. Снаружи гул начал меняться. Он не стихал, а дробился, распаивался на несколько тонов, превращаясь в сложную, диссонирующую мелодию. Лед снова задрожал.

– Они не глушат связь, – прошептала Анна, прислушиваясь. – Они её используют. Вещают.

Серов достал из-под куртки компактный спутниковый мессенджер с усиленной защитой. Экран был мертв. Он потряс прибор, попытался включить снова – безрезультатно.

– Значит, защита не сработала, – констатировал он сухо. – Импульс был направленным и умным. Он отличал военное от гражданского, защищенное от незащищенного. – Он посмотрел на Анну. – Ваша гипотеза о маркировке территории... она перестала быть метафорой.

Дверь шлюза с грохотом распахнулась. На пороге стоял Фальк. Его аккуратная внешность была разрушена: волосы всклокочены, на щеке – ссадина.

– Лебедева! Шульц! С вами! – его голос сорвался на визгливую ноту. – Немедленно в рубку! Объект... он выдает данные.

– Какие данные? – спросил Мартин.

– Температурные карты! Схемы! На частоте 17 герц, модулированные по амплитуде! Это... чертежи!

Анна почувствовала, как сердце ускорилось. Она выпрямилась и, не глядя на Серова, шагнула к Фальку. Они шли по трясущейся палубе, цепляясь за поручни. Синее свечение из скважины погасло, но гул оставался, уйдя вглубь, в инфразвуковой диапазон. Он давил на виски, нагнетая тревогу.

В рубке царил хаос. Часть экранов погасла, на других прыгали абстрактные узоры – вертикальные и горизонтальные полосы, мерцающие точки. Один крупный монитор, подключенный к резервному аналоговому осциллографу, показывал стабильную, ровную синусоиду. 17 Гц. Но по ее «телу» бежали более сложные волны, словно рябь.

– Мы перехватили это через запасной гидрофон, опущенный в скважину, – объяснила Вогт. Ее сдержанность вернулась, но в глазах горел тот же огонь, что и у Анны. Огонь познания, смешанный с ужасом.

– Сигнал несет в себе упорядоченную информацию. Мы пытаемся декодировать через стандартные протоколы – бесполезно. Это не наш двоичный код.

Анна подошла к монитору. Она смотрела на мерцающие линии, и ее сознание, настроенное на поиск паттернов в хаосе ледниковых кернов, вдруг уловило нечто знакомое.

– Это не чертежи в нашем понимании, – тихо сказала она.

– Это... сонограмма. Тепловая карта. Смотрите.

Она указала на последовательность толстых и тонких полос. – Видите повторяющийся набор? Толстая полоса, затем две тонких, снова толстая... Это контур. Изотермы. Он передает тепловую структуру объекта... или окружающей его среды.

– Зачем? – спросил Фальк.

– Чтобы мы его поняли, – ответил Шульц, протискиваясь к экрану.

– Или чтобы показать, что он понимает нас. Он почувствовал бурение как тепловое воздействие. И отвечает тем же языком – теплом. Это базовая коммуникация. Как стук в стену.

Внезапно изображение на осциллографе изменилось. Синусоида исчезла. На несколько секунд воцарилась тишина, и только белый шум бежал по экрану. Затем появился новый сигнал. Короткие импульсы. Длинные паузы.

– Морзе? – предположил кто-то.

– Нет, – отрезала Анна. – Слишком сложно. Это...

Импульсы складывались в группы. Группы повторялись.

– Координаты, – прошептал Йорген, который стоял сзади с блокнотом в руках. Он уже записывал.

– Первая группа... это широта. Вторая... долгота. Но не наши...

Он замолчал, его лицо побелело.

– Что? – жестко спросил Фальк.

– Это... это координаты не на поверхности Земли. Глубина... Запись указывает глубину. Огромную. В мантии. И... и еще одна точка. Не на Земле.

– Он поднял на них полные ужаса глаза. – Это координаты в поясе астероидов.

В рубке повисла гробовая тишина. Даже гул снизу казался приглушенным.

– Он не просто артефакт, – сказала Анна, и ее голос прозвучал громко в этой тишине.

– Он маяк. Или... терминал связи. Кто-то, что-то закопали здесь, чтобы оно слушало и передавало. И мы его разбудили.

– Передавало что? – спросила Вогт.

– Все, – просто ответил Серов. Все взгляды обратились к нему. Он стоял у двери, его лицо было каменным.

– Тепловые аномалии, которые поймал спутник... это была его пробуждающаяся диагностика. Периодичность 17 минут 4 секунды... возможно, счетчик. Обратный отсчет между циклами передачи. Он передавал данные туда, в мантию, или еще дальше, все эти годы. А теперь... теперь он передал и о нас.

Фальк резко подошел к главному пульту и нажал кнопку аварийного оповещения. Завыла сирена.

– Эвакуация! Все на верхнюю палубу для пересадки на вертолеты! Немедленно!

– Вы с ума сошли! – закричала Вогт.

– Мы не можем бросить...

– Мы не бросаем! – перебил ее Фальк. – Мы отходим на безопасное расстояние. Этот объект только что продемонстрировал способность к целенаправленному энергетическому воздействию и межпланетной коммуникации! Я не позволю...

Его слова утонули в новом звуке. На этот раз это был не гул. Это был четкий, металлический щелчок, раздавшийся из всех динамиков одновременно. Звук замка, который открылся.

А потом лед под «Поларштерном» зашевелился.

Не просто затрещал. Он пошел волнами, как вода. Гигантские плиты пакового льда, толщиной в десятки метров, начали расходиться с тихим, ледящим душу скрежетом. Корабль, зажатый во льдах, жалобно заскрипел, кренясь на левый борт.

– Трещина! Прямо по корпусу! – заорал голос в радиии.

Анну отбросило к стене. Она увидела, как за иллюминатором белая ледяная пустыня разрывалась на части. Образуя не случайную паутину, а идеально прямую, темную линию. Линию, которая тянулась от буровой скважины прямо к горизонту.

Объект не просто защищался. Он расчищал подступы.

Серов схватил Анну за руку и потащил к выходу.

– Все! Наверх! Сейчас!

Они вывалились на палубу, в хаос. Вертолеты, два «Аэрокуба», уже заводили двигатели. Лед продолжал расходиться, черная полынья зияла уже в ста метрах от борта и расширялась. Воздух наполнился ледяной пылью и ревом.

Анна, цепляясь за леера, невольно посмотрела туда, где была скважина. Ее теперь не было видно – она исчезла в зияющей темноте полыньи. Но из глубины, из черной воды, уже поднималось новое свечение. Не синее. Зеленовато-белое, холодное и яркое, как фосфор. Оно освещало снизу кромки льда, делая их призрачными, нереальными.

– Лебедева! Двигайтесь! – крикнул Серов, подталкивая ее к вертолету.

Она сделала последний шаг, но ее взгляд приковало к воде. В зеленом свете что-то начало проступать. Огромное, гладкое. Не просто металл. Поверхность, которая даже после сотен тысяч лет подо льдом не знала коррозии. Она отражала свет, как только что отполированное зеркало. И на этом зеркале, угадывались контуры. Прямые линии. Углы. Архитектура.

Человеческая? Нет. Слишком правильная, слишком чуждая.

Вертолет рванул с палубы в тот момент, когда первый льдина с грохотом обрушилась в воду. Анна, прижатая к стеклу, видела, как «Поларштерн», могучий ледокол, начал крениться, попадая краем корпуса в разлом. Фальк и Вогт были в другом вертолете. Их лица были бледными пятнами за иллюминатором.

Она перевела взгляд вниз. Зеленый свет рос. Теперь он освещал уже не просто кусок поверхности. Он выхватывал из темноты целую структуру. Цилиндр? Сфера? Что-то, что не поддавалось мгновенному опознанию. И оно поднималось. Медленно, неумолимо.

– Он всплывает, – прошептала Анна. – Боже всемогущий... он всплывает.

Серов сидел напротив, его пистолет лежал на коленях. Он смотрел не вниз, а на Анну. И в его глазах она прочитала то, что положило конец всем ее научным гипотезам.

Это была не встреча. Это было первое действие в войне, о которой никто не знал.

Их вертолет, набирая высоту, развернулся к югу. Анна последний раз увидела, как гигантская черная тень, окаймленная фосфоресцирующим светом, окончательно отрывается ото льда и, покачиваясь, занимает место в центре расширяющейся полыньи. Над ней клубился пар, образуя в морозном воздухе странную, вращающуюся воронку.

Затем пилот резко бросил машину в сторону, уходя от внезапно налетевшей снежной заряды. Вид закрылся.

Но в наушниках, поверх рева двигателей, Анна услышала его. Тот самый звук. Тик-так. Тик-так. Тик-так.

Теперь он шел не из глубины. Он был везде. И отсчет продолжался.

Глава 4. Контакт

Вертолет летел на юг, слепой и глухой в белой мгле. Пилот, молодой норвежец с трясущимися руками, вел машину по приборам, которые, чудом, продолжали работать. Электромагнитный импульс, казалось, был направленным, сферовидным – его полная сила пришлась на район буровой. На периферии техника выживала.

Анна сидела, вцепившись в ремень безопасности, и чувствовала, как дрожь проходит сквозь нее волнами – не от холода, а от адреналинового отката. Перед глазами стояло то зеленое свечение, эта инопланетно-правильная поверхность, всплывающая из черной бездны. Она закрыла веки, пытаясь зафиксировать детали в памяти, пока шок не стер их. Возраст льда над объектом... последний межледниковый период. Минимум сто тысяч лет. Возможно, больше. Цивилизации Шумера и Египта были вчерашним днем по сравнению с этой штукой, спавшей во льдах.

– Куда нас везут? – спросил Мартин Шульц, сидевший рядом. Его голос был хриплым.

– На запасную базу, – отозвался Серов, не отрывая взгляда от иллюминатора, за которым мелькали лишь клочья снега. – «Нордхаус-2», в трехстах километрах. Там есть укрытие, связь, запасы.

– Связь? – усмехнулся Йорген, сгорбившийся в углу. – Если этот... передатчик... продолжит вещать, он заглушит весь диапазон от Ньюфаундленда до Таймыра. Или того хуже – начнет транслировать свои координаты в мантию дальше.

– «Того хуже» уже произошло, – мрачно констатировал Серов. – Задача теперь – выжить и доложить. Чтобы следующий контакт происходил не с горсткой ученых и шпионов на льдине, а с теми, кто может дать асимметричный ответ.

– «Асимметричный ответ»? – Анна повернулась к нему, и усталость внезапно сменилась яростью. – Вы только что видели то же, что и я? Это не военная цель, Игорь! Это... археология богов! Технология, которая делает наши самые продвинутые разработки детскими погремушками! Мы должны понять её, а не стрелять в неё!

– Понимание – это роскошь, доктор Лебедева, – холодно парировал Серов. – Который могут позволить себе только те, кто контролирует ситуацию. Мы её не контролируем. Оно – контролирует. Оно выбрало момент, чтобы показаться. Оно ответило на бурение. Оно заглушило связь и развело лед. Мы не ведем игру. Мы в нее втянуты.

– Он прав, – тихо сказал Шульц. – Сигнал... 17 герц. Это не просто частота. Это фундаментальная нота. Частота резонанса Шумана, базовый ритм Земли. Но слегка смещенная. Как будто настройка идет не на нашу планету, а на... ее измененную версию. Или на что-то, что использует планету как резонатор.

Разговор заглох. Каждый ушел в свои мысли, в свою тихую панику. Анна думала о тепловых картах, которые передавал объект. Язык тепла. Самый примитивный и самый универсальный. Если он хотел коммуницировать, почему не пошел дальше? Почему не показал изображения, символы? Если он был маяком, то почему молчал сто тысяч лет, а заговорил именно сейчас? Из-за глобального потепления? Из-за спутникового сканирования? Или... потому что таймер, наконец, дошел до нуля?

«Поларштерн» они больше не видели. Пилот получил последний обрывочный сигнал: ледокол смог выровняться, но остался заперт в кольце разломов, потеряв ход. Экипаж эвакуировался на лед, к уцелевшим модулям. Фальк и Вогт были среди них.

Через два часа полета в молочной мгле появились огни. Не яркие, а тусклые, красноватые точки, едва различимые в снежной круговерти. «Нордхаус-2» – автоматическая метео- и исследовательская станция, вмороженная в склон ледникового купола. Несколько модулей, соединенных крытыми переходами, антенное поле, занесенное снегом, и посадочная площадка, отмеченная мигающими огнями. Их вертолет, дрожа всем корпусом, приземлился в облаке ледяной пыли.

Молчаливая, механическая эвакуация. Никаких встреч. Дверь модуля открылась, их втянуло внутрь шлюза, захлопнулось. Тепло. И неестественная тишина после рева двигателей и воя ветра.

База была рассчитана на персонал из шести человек, но сейчас пустовала – сезонный персонал был вывезен месяц назад. Автоматика поддерживала жизнь: гул генераторов, сухой воздух, запах пластика и антисептика. Серов сразу же направился к коммуникационному центру – герметичной капсуле с экранами и спутниковыми терминалами. Анна, Шульц и Йорген остались в общей зоне, скидывая промокшие куртки.

– Кофе, – хрипло сказал Йорген, нащупывая автомат. – Боже, кофе.

Анна подошла к круглому иллюминатору. Снаружи бушевало. Темнота арктической ночи была не абсолютной – ее разрывало зеленоватое свечение северного сияния, призрачное и беспокойное. Оно отражалось на бескрайних снежных равнинах, создавая ощущение нереальности, как будто они приземлились на другой планете. На той самой, сигнал с которой только что получили.

– Доктор Лебедева.

Она обернулась. К ней подошел Мартин Шульц. Его лицо в свете неоновых ламп казалось изможденным, но глаза горели.

– Тепловые карты, – сказал он без предисловий. – Я не могу выбросить это из головы. Вы были правы – это язык. Но не просто стук в стену. Это... алфавит. Примитивный, состоящий из двух «букв»: теплое и холодное, толстая линия и тонкая. Но из этого можно составить сложные сообщения. Как из точек и тире Морзе.

– Вы пытались декодировать? – спросила Анна, чувствуя, как усталость отступает перед новым приступом любопытства.

– Начал. Вручную, пока техника не оживет. – Он достал из внутреннего кармана мятую бумажку. – Первая последовательность, которую мы видели... если интерпретировать толстую изотерму как «1», тонкую как «0»... получается не двоичный код. Получается троичная система. Три состояния: тепло, нейтрально, холодно. Основание три.

Анна взяла бумажку. Ряды символов, нацарапанные рукой. Они ничего ей не говорили.

– И что это значит?

– Пока ничего. Нужен ключ. Контекст. Но сам факт... – Он понизил голос.

– Это не случайный сигнал. Это структурированные данные. Возможно, инструкции. Или... карта.

– Карта чего?

– Его внутренней структуры. Или того, куда ведут координаты, которые он передал.

В дверь коммуникационного центра постучали. Вышел Серов. Его лицо было непроницаемым, но в уголках глаз залегло напряжение.

– Связь с внешним миром есть, но крайне неустойчивая, – доложил он. – Спутниковые каналы забиты помехами на тех же частотах, что и сигнал объекта. Узкополосная радиосвязь кое-как работает. «Поларштерн» на связи. Экипаж в укрытиях, ледокол стабилен, но окружен разломами. Фальк требует эвакуации, но погода...

Он кивнул в сторону иллюминатора. За стеклом снежная мгла сгустилась, превращаясь в сплошную белую стену.

– Циклон, – сказал Йорген, подходя к метеомонитору. – Быстрое углубление. Давление падает как в пропасти. Через три-четыре часа будет полный шторм. Ветер за восемьдесят узлов. Ни о какой эвакуации с льда речи быть не может.

– Значит, мы здесь заперты, – резюмировала Анна. – И они там заперты.

– На неопределенный срок, – подтвердил Серов. – У нас запасов на месяц. У них – на неделю, если экономят энергию. Но это не главная проблема.

Он сделал паузу, глядя на каждого из них.

– Главная проблема в том, что объект не замолчал. Он продолжает передавать. И не только в мантию. Сигнал теперь ретранслируется через ионосферу. Его ловят в Канаде, на Шпицбергене, в Сибири. Слабый, зашумленный, но ловят. Вопрос времени, когда его запеленгуют и начнут задавать вопросы. Наши официальные лица уже готовят версию о подводном вулканическом событии. Но это продержит максимум сутки.

– А что, если... – начала Анна, но ее перебил резкий, пронзительный звук сирены. Не аварийной – предупреждающей. Красный свет замигал под потолком.

– Что теперь? – взвыл Йорген.

Серов бросился обратно в коммуникационный центр. Анна и Шульц – за ним.

На главном экране, поверх карты помех, бежала строка текста. Автоматическое оповещение от сейсмической сети станции.

СЕЙСМИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ. ГЛУБИНА: 0.5 КМ. МАГНИТУДА: 3.7. ЭПИЦЕНТР: 84°14'57" С.Ш. 112°29'48" В.Д. РАССТОЯНИЕ: 12 КМ.

– Рядом с объектом, – прошептала Анна. – Но не взрыв... это похоже на...

– На механическое движение, – закончил Шульц. – Как если бы что-то большое... сдвинулось.

Сигнал повторился. Магнитуда 4.1. Затем 4.3. Интервалы – ровно 17 секунд.

– Он не просто всплыл, – сказал Серов ледяным тоном. – Он начал двигаться.

Третий толчок. Магнитуда 4.5. На экране сейсмограммы линии прыгнули, превратившись в хаотичные пики.

И тогда погас свет.

Не плавно, а разом. Генераторы захлебнулись и умолкли. Красная аварийная подсветка вспыхнула на секунду и тоже погасла. Их поглотила абсолютная, густая, давящая темнота. Только слабый зеленоватый отсвет сияния из иллюминаторов, далекий и бесполезный.

– Резервные батареи! – крикнул кто-то в темноте.

– Не включаются! – это был голос Йоргена, полный паники. – Все мертво! ЭМИ? Но мы же далеко...

Анна стояла, не двигаясь. Холод, настоящий, пронизывающий холод, уже начал пробираться сквозь стены модуля. Она слышала, как он скрипит по металлу. Минус сорок снаружи. Без обогрева внутри температура упадет до смертельной за считанные десятки минут.

В темноте нащупала стену, потом чью-то руку. Серова.

– Что это? – ее голос прозвучал удивительно спокойно.

– Направленный импульс, – ответил он так же тихо, почти вплотную. Его дыхание было теплым облачком в сантиметре от ее лица.

– Но не электромагнитный. Что-то иное. Кинетическое? Акустическое? Он научился глушить наши системы на расстоянии.

Раздался скрежет, звук открывающейся вручную механической заслонки. Тусклый луч фонаря вырвался из коммуникационной капсулы. Это был Шульц. В его руке дрожал старый, динамовый фонарик.

– Автономная метеостанция на крыше еще жива, – сказал он. – Механика. Ртутный барометр. Давление... оно обрушивается. Это не просто циклон. Это что-то монструозное. И... – он

посветил на аналоговый сейсмограф, чернильное перо которого все еще дергалось на бумажной ленте. – Толчки продолжаются. И они... ритмичные.

В свете фонаря их лица были похожи на маски. Анна посмотрела на Серова. В его глазах она видела не страх, а холодный, расчетливый анализ. Оценку угрозы. Поиск решения.

– Убежище, – сказал он. – Нижний технический модуль. Там толще стены, есть аварийные спальники и химические грелки. Доберемся по переходам. Быстро.

Они двинулись, цепочкой, в луче фонаря. Темнота за стенами из оргстекла переходов была живой, пульсирующей от ветра. Снег бил в стены с такой силой, что казалось – вот-вот проломит. Лед под ногами, вернее, под полом станции, издавал тихий, непрерывный треск.

Анна шла последней. И в этом грохоте стихии, в этом ледяном мраке, ее страх наконец обрел форму. Не страх смерти от холода. Не страх неизвестности.

Она обернулась, глядя в темноту на север, туда, где остался объект. И прошептала слова, которые, она знала, услышит только Серов, шагавший впереди:

– Я боюсь не шторма, Игорь. Я боюсь, что мы разбудили не артефакт. Мы разбудили систему. И теперь она запускает протокол.

Он не ответил. Но его спина напряглась.

Они спустились по лестнице в нижний модуль – тесное, заставленное ящиками помещение с двумя рядами коек. Шульц и Йорген начали рыться в аварийных запасах, доставая спальники и грелки. Серов забрался на верхнюю полку к крошечному иллюминатору, пытаясь что-то разглядеть снаружи.

Анна села на нижнюю койку, обхватив себя руками. Дрожь стала неконтролируемой. Холод пробирался к костям.

Внезапно снаружи, поверх воя ветра, раздался новый звук. Низкий, вибрационный, на грани слышимого. Не гул объекта. Это был звук ломающегося льда. Но не треск, а протяжный, мучительный скрежет, как будто гигантские лезвия ворочались где-то глубоко под ними.

Пол под ногами качнулся. Сверху посыпалась ледяная пыль со стыков панелей.

– Землетрясение? – крикнул Йорген.

– Нет, – отозвался Серов с полки, прильнув лицом к стеклу. – Лед. Лед уходит.

Он спрыгнул вниз, его лицо было искажено.

– Край ледника. Мы стоим на выступе. И он откалывается.

Хаос. Они схватили самое необходимое – спальники, аптечку, термосы с едва теплым чаем – и бросились к выходу, к переходу, ведущему к следующему, более удаленному от склона модулю. Шульц светил фонариком, луч прыгал по стенам.

Они ворвались в соседний модуль – лабораторию. Здесь было чуть теплее, но тряска усиливалась. Стеклянная посуда зазвенела на полках и посыпалась на пол.

– Дальше! К основному складу! Он вкопан в скалу! – командовал Серов.

Но было уже поздно.

Раздался звук, который нельзя было спутать ни с чем. Глухой, всепоглощающий удар снизу. Весь мир накренился. Анну отбросило к стене, она ударилась головой, в глазах поплыли искры. Она слышала крики, грохот падающего оборудования, звон разбитого стекла.

И потом – тишину. Относительную. Вой ветра стал далеким, приглушенным.

Она открыла глаза. Фонарь Шульца, чудом уцелевший, валялся на полу, освещая под углом разрушенную лабораторию. Пол ушел под углом в тридцать градусов. Часть внешней стены... отсутствовала. На ее месте зияла черная пустота, окаймленная рваными краями металла и утеплителя. И оттуда, из этой черноты, дул леденящий ветер, неся с собой запах свежего льда и морской соли.

Они не просто откололись. Они упали. Весь модуль, а возможно, и часть базы, рухнули в разлом.

Анна медленно поднялась. Голова гудела. Она подползла к краю обрыва и заглянула вниз. Луч фонаря терялся в глубине, выхватывая лишь ближайшие грани льда. Глубина – десятки метров. Внизу, в самой бездне, мерцало. Не зеленое свечение объекта. Тусклое, синее. Вода. Полая вода, открывшаяся под ледником.

Она отползла, натываясь на чье-то тело. Йорген. Он был жив, стонал, держась за бок. Шульц, окровавленный, но на ногах, помогал Серову подняться. Тот держался за плечо, лицо побелело от боли.

– Перелом? – спросила Анна, голосом, который ей не принадлежал.

– Выход, – сквозь зубы процедил Серов. – Не важно. Надо... надо оценить ущерб. Искать выход.

Но выхода не было. Они оказались в ловушке в разрушенном модуле, висящем на краю ледяной пропасти. Сверху – обвал, завал. Снизу – ледяная вода. Связь – мертва. Тепло – уходит с каждым вдохом.

Анна прислонилась к уцелевшей стене и закрыла глаза. В ушах, поверх звона, она снова слышала его. Тик-так. Тик-так. Теперь он смешался со стуком ее сердца.

И тогда, в глубине разлома, синяя вода вдруг вспыхнула ярким, импульсным светом. Один раз. Два. Три. Ровно через семнадцать секунд между вспышками.

Сигнал. Он был здесь. Он нашел их.

Глава 5. Полярный шторм

Свет в глубине был не просто вспышкой. Он был структурированным. Короткая вспышка, длинная пауза, две быстрые вспышки – паттерн, повторяющийся с пугающей точностью. Морзянка из чистого света, идущая из подледной бездны.

– Он... общается? – прошептал Йорген, замирая от боли и ужаса.

– Нет, – ответил Шульц, припав к краю обрыва. Его научный азарт пересилил страх. – Это не общение. Это маяк. Или... сканер. Он зондирует среду. Свет определенной частоты, отражение от льда и воды... он строит карту полости.

Серов, стиснув зубы от боли, подполз к ним. Его глаза сузились, анализируя вспышки. – Семнадцать секунд. Тот же интервал, что и сейсмические толчки. Он не нашел нас случайно. Он следил за нашим падением. И теперь изучает.

– Зачем? – выдохнула Анна. – Чтобы понять, угроза мы или нет, – сказал Серов. – Или ресурс.

Синие вспышки прекратились так же внезапно, как и начались. Воцарилась почти полная темнота, нарушаемая лишь слабым отсветом фонаря Шульца, который он теперь берег, вращая динамо-ручку. Холод сжимал горло. Анна видела, как дыхание каждого превращалось в густой туман, оседающий инеем на стенах и лицах.

Йорген, бледный как смерть, нащупал аптечку. С помощью Анны они кое-как вправили Серову плечо – короткая, сдавленная гримаса боли, хруст, и все. Обезболивающего не было. Доктор Йорген, теперь больше пациент, чем медик, обнаружил у себя трещину в двух ребрах. Перевязка, скотч, боль, но жить можно.

– Оценка ситуации, – прошептал Серов, прислонившись к ящику. Его голос был хриплым, но твердым.

– Мы в обломке лабораторного модуля. Примерно треть его объема висит над пропастью. Пол под нами – наклонная плоскость, упирающаяся в ледяную стену с одной стороны и в обрыв – с другой. Над нами – завал из обрушившихся переходов и плит. Выхода наверх нет. Внизу – вода. Температура воздуха здесь сейчас около минус двадцати и падает. В наших спальниках и с химическими грелками мы продержимся... часов шесть, не больше. Потом гипотермия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.